

в данном издании. Историк рассматривает эту революцию прежде всего под углом зрения отличия ее от Французской конца XVIII в. Он утверждает даже, что «аналогии» между ними «только внешние»: Английская революция «возникла из стремления сохранить уже выработанные права народа», выдвинула на первый план религиозные вопросы, которые были «устранены в революции Французской». Больше всего интересует его политический аспект событий: он подробно говорит о нарастающей борьбе парламента с королевской властью, делая ударение на защите ранее полученных и узаконенных прав. Останавливаясь на характеристике более радикальной части парламента, он выделяет Кромвеля как политического лидера и талантливого полководца, особо отмечая новизну созданной Кромвелем армии железнобоких (с. 238).

Грановский не проходит мимо той идейной борьбы, истоки которой шли «снизу». Его живо интересует памфлетная литература этого времени, отражавшая разные интересы и чаяния. Но, судя по сохранившимся текстам, лектор почти не касается темы нарастания народной борьбы и ее роли в углублении революции.

Над сознанием Грановского тяготели сомнения, порожденные современной ему русской действительностью. Сомнения и колебания побуждали историка искать ответа на мучившие его вопросы в отдаленном прошлом. Он особенно внимателен к тем явлениям и процессам, которые способствовали бы, на его взгляд, если не примирению, то хотя бы смягчению социальных противоречий. Такую силу он пытается найти в церкви, особенно времен раннего средневековья, когда она, в его представлении, играла роль «заступника» угнетенных, «посредника» между феодалами и крестьянами. В опозитизированном свете предстает на некоторых страницах его курса рыцарство — содружество феодалов, как бы преодолевающих, по его мнению, природу своего сословия⁸⁶. Определенные иллюзии ученый питал и в отношении средневекового государства, подчас видя в нем защитника всех слоев общества (см. выше).

Но сила исторических фактов брала верх над поисками компромиссов, касалось ли это средневековой церкви, о которой Грановский неоднократно говорил как о крупнейшем феодальном собственнике⁸⁷, или рыцарства, в адрес которого сказано на страницах курса немало горьких и обличительных слов, или государства с его деспотизмом, подавлявшим народные массы. Так, разрушителем собственных заблуждений и метаний выступает сам Грановский, который был не только последователен в своем гуманизме, но и безупречно честен в профессиональном призвании историка.

Грановский, постоянно выступавший в защиту распространения просвещения, естественно, обращал большое внимание на духовную жизнь общества, историю культуры, на возникновение и судьбы

⁸⁶ ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 47, 58, 60 об.— 61.

⁸⁷ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 97.